

А. Крученых.

АПОКАЛИПСИС В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Чорт и речетворцы.
Тайные пороки академиков.
Слово, как таковое.
Декларации.

КНИГА 122-Я.

Москва

1923 г.

Тема **Апокалипсиса** и **Конца Мира** не забыта и в наши дни.

И если из России ее повышибли, то за границей наши апокалиптики еще мерещковят, вопия, что в РСФСР появился Антихрист и «время близко» — будьте наготове; а в самой Европе Шпенглер запел о погибели «мира сего»: в современной Европе, дескать, только **механическая** культура — позитивизм и комфорт, а истинная культура — цивилизация — в душах тоскующих избранных натур! (Что из механического может вырасти духовное — этого они, на радость прошлякам, знать не желают!)

Всю эту высокопарную кислятину русская литература твердила уже 100 лет!

Обо всех этих твердежах и пойдет речь.

Чорт и речетворцы

русская литература до нас — футуристов — была спиритической и плаксиво — худосочной

она кружилась в колесе чорта —

поймать чорта, разоблачить, проклясть

или хоть уныло восхвалить!

спасти кого-то и провидеть полный и решительный

конец мира сего!.. литература пропахла лампадным маслом,

средневековьем и монахами...

любила она в «черством углу сидеть черные книги читать»

Ах, на волю бы! выше всех церквей и моргов моралина,

туда, где колетса разреженный воздух

и звякаютрули — аэро о черточки радио!

Развернуть пространства ось,
к хрусткому гому иголок Зауми—

Зе-це-эй!..

а внизу черные монахи и езуиты ползают,
блох ловят...

как дети в сказке писатели-гувернеры заблудились в
трех ангельских волосиках на голове чорта и не побывав
еще в странах слова как такового
были раздавлены клопом чортом...

.

не литература а общество спасения!

сами еще плохие пловцы бросились спасать всех

ибо близок конец миру

тому есть множество знамений

«и клялся Живущим во веки веков, который сотворил
небо и все, что на нем, землю и все что на ней и море
и все что в нем, что времени уже не будет»

кончилось для людей наслаждение драгоценными розами
и вином, кончилась земля и горько-сладкие плоды ее,
умерли листья и ресницы, отныне «огонь дым и сера»
будут палить блудодействующих и чародействующих
«от этих трех язв, от огня дыма и серы выходящих
изо рта коней, умерла третья часть людей»

сперва не верилось. преступноватые смеялись и резви-
лись не придавая значения топоту коней у которых
головы львов.

но стоило только взглянуть на рты из которых выхо-
дил огонь дым и сера и услышать как рыкает лев как
семь громов проговорили голосами своими—чтобы в
ужасе убежать от безделушек своих и невинных ребя-
ческих забав.

нечто большее легкомыслия и забав взглянуло в лица их—это был конец мира.

это было царство сатаны блудийцы папессы и смерти пришедших в конец соблазнить и погубить людей.

те чьи числа 2. 40 и 200...

Пан-отец пришедший из-за моря из турецкой земли недобро выглядывает, вынимает из-за пазухи черную воду и тянет ее.

и вызывает душу своей дочери казачки Катерины и говорит ей сотканной из inferнальных загробных лучей: полюби меня

но душа непреклонна.

(но—«полюбила я Мурина» говорит уже Катерина у Достоевского)

—Сатана сатана!..—шепчет пан Данило...
недоброе творится в Украине.

чорт на немецких ножках украл месяц и стало в ночь под Рождество темно и ветрено и холодно.

и человек в восточном халате покупает душу художника,

и среди бела дня в упоительной Украине француз-свинья утаскивает прошение Ивана Ивановича, и Хлесгаков эга столичная штучка на немецких ножках во фраке врет про свое министерство и этим пускает туман глазам простых обитателей ждущих своей гибели...

езде оборотни слухи вертится черт и влезет то в свинью то в пирог то в мелкого чиновника лгуна и сплетника.

Маленький гаденький черный, Кажется взял бы и пальцем раздавил. Не черт а блоха и никак ее не сло-вишь

и хочет Гоголь ударит по струнам людских душ с «неведомою силой».

Какой поход на блоху! она радуется и смеется—разве так ловят блох? втихомолку потихоньку ловким и быстрым движением—и вот ее нет!

Но человек в бреду и ужасе не замечает что имеет дело с простой блохой. Она принимает невероятные размеры и формы ее странно дрожат и меняются: по виду это саранча ростом с коня и волосы у ней, как волосы у женщин, а зубы были как у львов.

Тем то и страшна блоха что она маленькая а человек в жару и бреду никак не может быстро повернуть рукой и прихлопнуть ее. и давит его блоха.

на ней были брони как бы брони железные а шум от крыльев ее, как стук от колесниц когда множество коней бежит на войну, вытянув морды...

.

Милая благоуханная упоительная Украина во власти блохи саранки, неверных срацин. И гибнут славные верные сыны Украины: и полковник Тарас и его сын рыцарь Остап

Погибло славное казачество!

И только Гершка худой и длинный как оглобля гримасничает и бегаёт заплетываясь ногами в длинном кафтане своем и рассказывает и своим и полякам о гибели казаков

возненавидел Гоголь торгашей и особенно «Петровскую Россию» полонивших его Украину и отомстил России «страшной мезтью» и дьявольским смехом и заколдованным смехом высмеял ее и изобразил на лице ее гримасу страшного колдуна и сам испугался своего смеха

«Смотри—указал ему схимник—буквы твоих книг наполнились кообью»

и убежал от людей колдун. ни пост ни покояния не помогли ему...

Колдун сам превратился в блоху и скрылся от нас в необычайном прыжке

.
Но не все же торжествовать блохе не все шуметь саранче: она все съела что было на земле и оставив ее голой пустынной и безлюдной должна умереть и сама.

вот когда настанет ее погибель!

И ничего во всей вселенной
благословить он не хотел

во всей вселенной! в серый пепел пустыни обратилась земля и саранча распустив свои крылья с шумом железной колесницы смерти полетела над землей, оплевывая ее в последний,

и пролетая (через годы и годы) над испепеленными угасшими горами Кавказа саранча заметила среди развалин какую то зелень

и забилося ее сердце насекомого, давно уж не видала она никакой травки никакого листочка и позабыла как то о своем царственном брюхе, а оно как истомившийся науходоносор жаждало салата.

и воспела саранча хвалу создателю позаботившемуся о ее брюхе как большой жабы проглотившей вола,

и сказала саранча травке:

клянусь я первым днем творенья
клянусь его последним днем

.

тебя я вольный сын эфира
возьму в надзвездные края
и будешь ты царицей мира
подруга верная моя...

скромная травка слушала
она была так прекрасна среди диких скал и пепла.
Когда то вся земля была покрыта безвкусной травой—
тогда дикая красавица затерялась среди возов подруг
но теперь

нет, ни единый царь земли
не целовал такого ока...

и саранча съела травку, последнюю единственную в сем
мире и потом сдохла и сама
Так всеобщую гибелью закончилась борьба земли и
блохи-саранчи.

и еще какой молодой земли—

Я начал рано кончу рано...

как не оплакивать такую судьбу?
она же была прообразом (хотя по странности случив-
шимся позже) гибели другого такого юного и прекрас-
ного агнца (Пушкина).
и появился на земле пес
верный страж человека и его жилища и вступил в
борьбу со скорпионом—хвостом саранчи.
земля имела в это время вид фантастический.
был например Петербург (про другие города не было
слышно) но был он призрачный: проснешься и Петер-
бург провалится в болото.
Это был не город а только болотное испарение и имел
он вкус хинина...
и все время лихорадило в нем.
но пес не испугался. больной в лихорадке и бледный
вступил он в последнюю борьбу со скорпионом

«Оно было в роде скорпиона но не скорпион, а гадже и гораздо ужаснее и кажется именно тем что таких животных в природе нет и что оно нарочно у меня явилось и что в этом самом заключается будто бы какая-то тайна. Я его очень хорошо разглядел: оно коричневое и скорлупчатое, пресмыкающийся гад длинной вершка в чегыре, у головы толщиной в два пальца, к хвосту постепенно тоньше, так что самый кончик хвоста не больше десятой доли вершка.

мать кликнула Норму, нашу собаку—огромный тернеф-черный и лохматый умерла пять лет тому назад, она бросилась в комнату и стала над гадкой как вкопанная. остановился и гад но все еще извиваясь и пощелкивая по полу концами лап и хвоста. Животные не могут чувствовать мистического испуга если не ошибаюсь но в эту минуту мне показалось что в испуге Нормы было что-то как будто очень необыкновенное, как будто тоже почти мистическое и что она стало быть тоже предчувствует как и я что в звере заключается что то роковое и какая то тайна... вдруг она медленно оскалила свои страшные зубы открыла всю свою огромную красную пасть и припорожнилась изловчилась решила и вдруг схватила гада зубами.

скорлупа затрещала на ее зубах...

вдруг Норма жалобно взвизнула; гадина таки успела ужалить ей язык. с визгом и воем она раскрыла от боли рот...»

мерзкое насекомое больно ужалило пса в язык.

(Норма—закон, принявший образ оперной героини, и паук).

как с больным языком бороться с проклятым скорпионом?

Апокалипсис:

«у ней (саранчи) были хвосты как у скорпионов и в хвостах ея были жала

и дано ей не убивагь людей а только мучить...

и мучение от нея подобно мучению от скорпиона когда ужалит человека»

Припадочные, больные ужаленные проходят люди у Достоевского и ближние со смущением прошмыгивают мимо—ужаленные обречены, они уж не от мира сего.

и горе ужаленному—на земле ему нет места: днем и ночью вост пес мучая себя и других...

о еслибы снова найти живую плоть и воплотиться! Хоть в осла! хоть в купчиху семипудовую! — Я ослу завидую!—(«Идиот»)

да в семипудовую и лучше всего—сколько в ней плоти! в бане бы попариться

«баня все поправит»—недаром говорит народ.

Смотрите как славно парится Исайка—этот представитель вечно живучего племени! кагоржане и те парятся. не жизнь им—а баня!

и когда они парятся то забывают, что на них клеймо, они тоже люди, купчихи семипудовые!

а ужаленный бежит прочь неистово крича, издавая нечеловеческие ослиные звуки... и бежит в нетопленную сырую баню с плесенью и пауками по углам—вот она вечность—его вечность его смерть! Ужасная вечность...

Плохая бесконечность... с радостью пробежал бы он еще квадриллион квадриллионов лишь найти покой—но

Напрасно этому не бывать земля убегает из-под ног и «осанна» крикнуть не придется несмотря на все желание

Может и желание смешное и глупое—но кто же осудит ужаленного! не ближние же!

те бегут от ужаленного дабы не чувствовать своего безсилia. Можно любить человечество и человека, отвлеченного, издали, человека мертвого, но когда пред тобою беснующийся, умирающий—что делаешь?

Расстрелять как Пушкина,
как Лермонтова,
как взбесившуюся собаку!

Здесь может помочь только чудо, только Один которому все повинуется и перед кротостью Которого смиряются бесноватые, но люди тут безсильны и проклиная всех убегает ужаленный. О, еслибы ему встретился хрустальный дворец где пирует самодовольное благополучное человечество (в некоторых сказках об этом рассказывается) с каким наслаждением он пихнулбы его, опрокинул, растоптал. Так сладко помучить, тогда и свои муки были бы в радость все тогда было бы иначе...

и бежит ужаленный ехидною и видит уже «стеклянное море смешанное с огнем и победившие зверя и образ его... стоят на этом стеклянном море держа гусли...» предсмертная усталость и сладость одолевают измученного и грезятся райские сады и слышны гусли и все-прощающий готовится он умереть...

«В любви все сольются»—но когда?

Неужели Катерина—мировая душа—полюбит навсегда Мурина? а полюбив—все примет?

Нет, нет—

«смирись, гордый человек!..»

но ближние не знают не верят и боятся подойти к нему...

ибо не было меры и числа в движениях его и словах, и в его чрезмерном умилении люди чуяли неладное.

это был ехидный выходец из иного мира, где человеку трудно дышат—не хватает воздуха...

в такой утонченный болезненно сонный мир знал пред смертью и Тургенев: сны виденья сладость инфернального существования, безплотного и неземного наполняет его мало понятные современникам повести последних лет...

Но появились Успенский Решетников Короленко и Горький.

и пришли люди от земли пришли мужички в русскую пустыню со своими «типами» и посмотрели: сколько нечисти развелось там. это надо вывести а то «ен закуса'т»—решили мужички миром и скопом принялись за скопское дело—ловить блох собирать саранчу в дырявое решето

неуклюже допотопными способами решили исправить мир. Но удивлялись: ен прыткий никак в руку не дается. пробовали к старухе колдунье обратиться—тоже дело не ладилось и сочилась их совесть дырявым решето... Плюнули мужички и решили так жить небось всех не с'ест—об'естся! свернулись мужички калачиком да так на голой земле и улеглись и храп пошел такой что по всей планете загудело.

.
жил неподалеку один чувствительный барин и такой был аккуратный—чуть где увидит пылинку или блошку—

крик на весь мир подымет:

Как можно чтоб я спокойно сидел и кушал когда такая нечистота!

скорей созвать собрание! всех артистов инженеров адвокатов пусть ловят блоху,

пусть вычистят все до последней пылинки ибо так жить нельзя!

Смеялись мужички: барское дело!

Не понимали спокойные люди о чем кричит его сиятельство

грязь, везде грязь везде блохи!—вопил между тем неженка —ваша культура и ваши науки это грязь! и ваша любовь и ваша жизнь и все! как вы можете жить, если все это замечаете?.. почему вы не мучаетесь?..

и стал неженка искать себе на земле места.

куда не заглянет—везде плохо.

Вы что тут делаете?—спросит у солидных господ

— Развратничаем!

— а эти что делают?

— Комедию ломают дурака представляют ваше сиятельство!

— а эти что делают?

— микробу этакую в мелкоскоп от вши взяли...

Так жить нельзя вскричал длинобородый граф сколько еще на свете живых блох и вредной саранчи а эти чем занимаются?! Бросьте все, учитесь блохобойству! а? — грозно переспросил граф. И взяв посох и гневно оглядываясь ушел к мужичкам

— что вы милые делаете?

— так что очень трудимся

— а что блошка какаянибудь там не мешает вам?

— Какая там блошка тут шилом не продерешь кожи— она шлифованная!

— вот это люди! подумал граф—вот где жить можно! все у них чисто, светло

Примите и меня в артель хочу тоже потрудиться
— что же становись каши небось ваше благородие
много не с'ест? она у нас без масла!..

Так боровшийся всю жизнь с блохою кончил непротив-
лением ей!.,

а у мужичков так и застряло во ртах:
на чаек бы с ихней милости!

.
но тут вынурнул зверь из морской бездны с лицом
моржа и черным голосом вскричал:

отныне царство блох наступило...

она сидит на троне...

а блоха недотыканная положив руки на ручки кресел
говорила:

я вам внимаю мои дети
воссев на отческий престол
душ сколько мне услышать Нети
позволит подданных глагол

«чур чур чурашки буки букашки веди таракашки»
шептал Салогуб и потом гнусаво зашел о смерти
золотой дракон развернулся и спустился с неба чтобы
одеть ему на голову горшок бывший в употреблении.

«Торжественность момента» нарушил пискливый голос
Мережковского увещанного куклами старинными гравю-
рами и картинами:

«дьявола продаю! за копейку чертик Гоголя, за $\frac{1}{2}$ ко-
пейки сверхчеловек Лермонтова! Мистический сфери-
ческий... Подходите, богомольчики, кликушечки, блохо-
борчики!..»

Кузьмин Бальмонт и Брюсов следуя обычаю мух дело-
вито оставляли жирные следы на всех старинных
изображениях героев древности...

разбуженная саранча сонно схватила Салогуба и пожевав губами изbleвала его и вышел он из ее рта сморщенным рыхлым и бритым.

и стал он отфыркиваться:

мечты—обман и сон!

и закартавил триолеты земле.

Блох с Белым положили головы свои и плакали, а Мережковский укорял их:

продали революцию черту,

он напустил на вас Цусиму и Порт-Атур, он с'ел ваш театр и башмаки, культуру и семью... кто с'ел ваш ужин?! ха-ха-ха!

З. Гиппиус скрипуче подхихкивала.

как будто в стороне от всех сидел маленький чех (Чехов) так любивший рыбную ловлю и думавший выудить всех чертей из российского болота...

.....
Чорт!—кто-то закричал сбоку—сам черт! берегитесь,—
А-н-а-т-с-м-а!

а насмешливый голос отвечал ему:

— не страшно!—

и в самом деле никакого черта не было и неудачный пастух Андреев так и остался лгуном.

чтобы утешить его хоть несколько А. Ремизов надул игрушечного чертика украденного на «вербе» и тот зашипал вздрогнул и вытянулся.

Так кончился черт у русской литературы а с ним и сами литераторы оплакивающие его как безутешные вдовы

.....
.....
на смену русским литераторам пришли речетворцы—
баячи бюджетяне—и сразу превратили черта в дворника

черти ли страшны Budgetля и ту? как господин нисхо-
дит в ад—и там смятение, подземные в затруднении:-
их палец тщился начертать
мой земные пять имен
но легче коготь поломать
чем отгадать как я клеймен

Огонь и муки мне нипочем
и стиснув зубы хулу шепчу
под тонким жалящим бичем
смеюсь тихонько палачу

и бес стал пятиться невольно
заметив что глумлюсь
шепнул себя щипая больно
тебе я предаюсь...

(а крученных «полуживой»)

не случайно в литературе до нас разлито адское сла-
дострастие (негр Пушкин, мрачный корнет Лермонтов,
тайный огонь Гоголя и т. д.)

Достоевский пес но он же и сладострастное насекомое!
и восхвалявший беса Ф. Сологуб воспел в последний
и грязное извращенное сладострастие (таков же А. Ре-
мизов—насекомое)

но у писателей до нас и сладострастие не настоящее.
у них не есть а лишь хочу.

уж подлинно «символизм»

с победой над адом покоряется и украшение его: лю-
бовь-сладострастие

Тебе навеки я отдана
висящая ведьма изрекла
и ветер и зверь и дева-гадина
касались моего чела

(«Полуживой»)

Рисунок *Н. Назорской.*

И шалунья слава и богатства этого мира стали иными—
стали пустым местом

меня венчали черным знаком
и уксус лили на язык
копьем украсили и паки
вознесся дикий крик

(полуживой)

ненадежен и сам ад. ему так легко погибнуть
в своем коренном сладострастии—муки и случая.
Гибель страстно играющего в карты под'земелья мы
видим с ясностью:

...и скука тяжело нависая
глаза разрежет до конца
все мечут банк и загибая
забыли путь ловца

.
все скука угнетает
и грешникам смешно
дрова в камине угасают
и занавешено окно

(«Игра в аду» Крученых-Хлебников)

указав на этот конец конца, баячи будетляне в
своем тверчестве уже исходят от других вещей целей
и замыслов.

мы даем новое искусство—
без моралина
и без чертяковщины!..

А. Крученых.

1913—1922 г.

Сонные свистуны.

Тайные пороки академиков.

Случай—игра тормошат запуганного человека, жажда наживы стерла все лица как рельсы трамвая. Бенц и 16 дюймов кажутся новее и одушевленнее—

Только они!..

а в уголках пришепетывают:

— «Князь мира сего» овладел землею—надо спастись свою душу!

Уйти из города в леса символов и шептать дорогая имена, **сместить** великую грязь нахлынувшей злобы и скользнуть в лодке гордого одиночества...

Злоба дня—что может быть мудрее этого слова? все однодневное не вечное—зло»...

Только,—ядовитая муха толпы не превратится-ли в скоропипона безлюдья?

Уже уходили в пустыни горевшие тоской от современности и пошлости—попытки не новыя—еще старее результаты!..

В нашей литературе уход явно обозначился с «Демона».

Это он мурлыкал и якал (хотя воображал что плачет и проклинаяет);

я к одиночеству привык
я б не умел ужиться с другом

и на другой лад:

если счастьем дорожил ты
то зачем его делил ты
для чего не жил в пустыне?..
(демон—дорожилда!)

Надо быть гордым и независимым—так гнусавит и прокаженный бес символик:

свобода только в одиночестве
какое рабство быть вдвоем!

(Федор Сологуб).

«Это нектар отчаяния... искристая нега жестокости и борьба за божественную власть»—так заклебываясь уверяет критик (Закржевский «Лермонтов и современность»).

Покричат: отчаянье! отчаянье—и хорошо им делается как от перекормленного самолюбия!

И носятся со своими страданиями и душою, как барышни с утюгами причесок... Только порою в пустыне как то не уютно:

нельзя ни плакать ни молиться
отчаяние отчаяние...

.

пугает кто-то мукой ада...

(З. Гиппиус)

а хоровод бросает в эти слова беспутный мяч:

ой дид ладо
ой дид ладо!..

Смертельному отчаянью мешают то ад то гармошка!.. не сумел победить современность не мог жить с другим, вдвоем, но еще хуже пожил в одиночку— куда пойти?

думал было один мужиком стать — но это грубо и трудно...

Чем бы жизнь онездешить?

помадные барышни? или гордые светские красавицы? но с ними тоже тяжело, слабенький человек от них и в пустыню убежал!

«Все это так реально»!

Надо преобразить жизнь мечтой, встать и обстановочка науськивающая:

в ночной пустыне только холодные, вечно недоступные звезды да морская волна ласкающая как мертвая рука—
мои мечты—жемчужный водомет
среди лунных снов...

(А. Белый)

любят уединенные и студенный ручей, уснувшие водоемы, вечерние парки под серой вуалью и застывшие точно из слоновой кости здания (картинки и этюды Борисова-Мусатова, симфонии А. Белого, стихи Кузьмина о старине и проч.).

Или шелестящие камыши

«гнездятся там гады там змеи шипят»

и посреди них—русалка у которой глаза—тоскующие цветы...

если трудно мне жить
если тяжело дышать
я в пустыню уйду
о тебе пошептать

(Ф. Сологуб)

«грехами молодости» пахнет, а он воображает—стихи...

Совсем холодными да одинокими не могут быть и в в пустыне, а стореть бояться (такое напр. признание Гоголя, А. Белого и др.).

И вот приходится мечтать

или другими словами:

не любовь а влюбленность. допускающая лишь поцелуй—как поучает хлопотливая Гишпиус...

И теплится неугасимый огонь в келии пустычника

И переблескивают глаза величиной в серебряный рубль—почему именно этот размер?—

И дева о которой мечтают—это конечно не ошутимо
—грубая барышня или дешевая цыганка, а потусторон-
нее, ангельское сословие—

закрывая глаза я целую тебя—
бестелесен **и тих** поцелуй
ты глядишь и молчишь не губя не любя
в колыханьи тумана и струй.

—
Я плыву на ладье—и луна надо мной
подымает печальный свой лик
я плыву по реке—и поник над рекой
опечаленный чем-то тростник...

(Ф. Сологуб)

«тихою будь»..: ты молчишь не любя... в любви этих
мечтателей должна быть безнадежность и недоступность—
пускай могильною землею

засыпан я

моя любовь всегда с тобою...

(Лермонтов)

из могилы голос этих мертвецов... и та, о которой
мечтают, не женщина хотя как бы и женщина, с те-
лом русалки, что белс как светящийся фарфор не
покрытый глазурью, и глазами полными лазурного огня.
или как говорит современный пустынный о своей недо-
ступной даме:

и перья страуса склоненные
в моем качаются мозгу
и очи синие бездонные
цветут на дальнем берегу

(А. Блок)

кто-то всерьез назвал этого мечтателя певцом Невского,
а его «прекрасную незнакомку»—женщиной с Невского
—мы думаем что даже для последней это обидно...

Рыцарь незнакомки сделал прозрачной тайну оди-

ночества Владимира Соловьева

(как опасно иметь преданных учеников!)

В. Соловьев, идя от Лермонтова, взял одну часть его творчества. но самую сокровенную и развил ее в пространных трудах и стихах.

и если в последних не был велик, зато целен и типичен.

От него уже «вечная женственность» пошла по русской литературе как знамя «истины добра и красоты» «Вечно женственная бесплотная жена еще девочка с лазурными очами» (опять!)—вот она мистическая лилия всех телесных и духовных одиночек и гордых недоносков, экстазных воздыхателей и шептунов, бездельников и трусов с высохшими ножками, декадентов и символистов, сделавших «этот мир» бесплотным во имя своей хромающей плоти—

мне нужно того, чего нет на свете

чего нет на свете...

(З. Гиппиус)

Где они встретятся со своей прекрасной дамой—на звезде Маур или Ойде—стране мечты и сна,—на водопаде Имагре или в Египте сохранившем еще древние пустыни, бедуинов и страусов—все равно—обстановка равно задумчивая и уединяющая—

взрывая возмутишь ключи—

питайся ими и молчи...

(Ф. Тютчев).

«Все великое свершается в тиши»

Приемный сын Сологуба—И. Северянин разоблачает отца:

мы выключили электричество

луна в стекле

и Ваше светлое владычество
моя Ойле.
дымится снег голубо-фьоловый
в снегу—шалэ
«благоговей друг оголивай
свою Ойле»...

Такова далекая «звиздочка» и мистерия ночи.

Ну а если не найдут удобного тихого местечка если
везде подсматривают злые люди и вещи (тучка в мяг-
кой обуви, поднимающаяся торчком улица, заговорный
нож вилка и карты) то можно все это надуть—уединить-
ся при всех, впасчь в транс от одного вздоха и тогда
не только на мосту но и на Невском и в кабаке среди
лакеев и пьяниц появится она с загадочной улыбкой
как будто строгая с длинной и узкой рукой—
вот оно счастье, блаженство неземное!

и когда я в небесном в тоске замираю
хозяйка с улыбкой предлагает мне чаю!..

Зерцог (театр).

Пьесы наших одиночек строятся по естественному
шаблону: сперва хныканье, вздыхание и шепот, чаро-
ванье глазами сомнабул и змей, очами смотрящими по
ту сторону жизни

это томление разрешается экстазом — мгновением
утонченного счастья «небесной муки»—и опять тишина
и забвение

с-смерть—

от шепота к смертному храпу от голубых глаз величи-
ной в рубль до медного пятака на глазах

и от пуховиков счастья до подушек
гроба—

таков путь Саломей, пьес Блока, Метерлинка и др.

Молодого сирийца предупреждают: не смотри так на луну, не смотри так **долго** на царевну—а то случится несчастье!

но тот конечно не слушает ибо «царевна бледна... она как голубка, которая заблудилась... она как нарцисс колеблемый ветром...»

(не оттого ли и у женщин Достоевского великое страдание в глазах и оне так бледны?... Настасья Филипповна и Саломея!)

Луна как женщина и женщина как больная луна и в воздухе реяние крыл смерти а все облиты томлящим светом тоскующей Селены танцует девственная Саломея-Селена и мутнеют глаза солдат, Нарработа и Ирода все заражены томностью танцующей луны но и сама Селена заражена—она покойник и она же гробница она как слепая или парализованная смотрит только в одну сторону шаг за шагом подвигаясь туда она тоже смогрит на белое, как лоно луны, когда она покоится на лоне моря, тело Иоканаана и шепчет:

«ТВОИ ВОЛОСЫ ПОХОЖИ НА ГРОЗДЬЯ ЧЕРНОГО ВИНОГРАДА, ЧТО ВИСЯТ В ВИНОГРАДНИКАХ ЭДОМА В СТРАНЕ ЭДОМИТОВ... НЕТ ТВОИ ВОЛОСЫ УЖАСНЫ... ТОЧНО УЗЕЛ ЧЕРНЫХ ЗМЕЙ, КОТОРЫЕ ВЬЮТСЯ ВОКРУГ ТВОЕЙ ШЕИ»...

и наконец:

— нет ничего краснее твоего рта... дай мне поцеловать твой рот. —

только поцеловать! но томность ее ядовита и смертельна для обоих: луна стала красной как кровь, Саломея целует губы, как края обнаженной раны, но уже мертвые—живых ей никогда не поцеловать—и поцеловав умирает сама—иначе не могло быть—необычайная сила томления рождает такую смерть...

«О. Уайльд был женщиной в теле мужчины» (К. Чуковский)—потому так понятны ему были именно такие переживания, не осуществление, а только желание мечта парадокс...

В то время как санинец заметит прежде всего упругие груди и колыхающиеся как у молодой кобылы бедра, а по другому даже мотор «как жеребец заржал», у мечтающих на первом плане бледные ноги, длинные руки, бездонные глаза и мечтательные губы...

У Метерлинка также женщина еще пугливый ребенок (Целеас и Мелизанда) а юноша как красная девушка и говорят они о чем-то для них тайном, шепотные слова откуда то, за третьей дверью—и все же их подслушивают, и когда они поцелуют друг друга—то умрут...

Простые вещи у Метерлинка одухотворяются ибо они должны быть томными, должны одухотворить закачать и вызвать экстаз...

Простое слово повторяя 100 раз под ряд фантазия убогая словарь ничтожный и вот—извиваются изламываются—все сделают чтобы преобразить мир по своему вызвать чудо—ибо их жизнь должна быть напряженной и во что бы то ни стало—красивой! в этом смысл их жизни!

В «Саломее» и пьесах Метерлинка—прообразы Блока и др. символистов. «Те писатели—наши! У нас две родины»...

У А. Блока в «Балаганчике» от невесты к смерти даже перехода нет—это одно и то же и заведуют всем этим — мистики (думаем что тут небольшая ошибка в слове)...

В «Незнакомке» вздыхает семинарист (сцена в кабаке): и танцевала она, милый друг ты мой, как небесное создание.

— Эка, эка Васинька-то наш размечтался заалел как маков цвет! А что она тебе за любовь-то? За любовь-то что? а?..

— Так бы вот взял ее и унес бы от нескромных взоров и на улице плясала бы она передо мной на белом снегу как птица летала бы. И откуда мои крылья взялись — сам бы полетел бы за ней над белыми снегами...

Это те же самые белые голуби Саломеи — образ невинности!

Но семинарист не одинок в своем одиночестве — все вздыхают по Незнакомке — и юный поэт и старый звездочет и даже светские дамы!..

И вот среди излиятий этих верных сердец раздается зловещее —

б р и!

и «все вертится кажется перевернется сейчас. Корабли на обоях плывут вспенивая голубые воды. Одну минуту кажется что все стоит вверх ногами». Такова ремарка; а ведь кажется простое словечко вроде три бери и ничего страшного и грозного в нем нет.

Но если вы внюхаетесь в него — то вас сразу ушибет особый острый запах и озарит.

Так вот что значит бри и почему он повис тут в воздухе!..

«Бри-бри» шепчет буржуазка своему мужу в припадке игривой грациозности» (Достоевский) «Брекекекс» — отвечает он...

Философская тройца.

Ницше, как амазонка, не мог найти достойной пары и вечно-женственное ему заменила мудрость.

«Мудрость есть женщина — признался базельский отшельник—я хотел бы иметь от нее ребенка».

И так много лет он наслаждался своею мудростью и одиночеством.

И, как поэт, воспел божество вэсело танцующее на острых ледяных вершинах. Он был поэтом но полюбил отвлеченную мудрость потому что любил одиночество, и бежал от книги (трижды опостылевшей) хотя весь был пропитан ею даже больше, чем одиночеством.

Это был демон дерзкий до головокружения и утешало его лишь одно — божество сотканное из электрических да и нет, легконогое с воздушным станом, предчувствие босоножек Дункан, воплощение танцующей Саломеи—
«я изобрел смех!..

выше выше подымайте свои ноги!»

И снова тоже: ужас ссоры одинокого со всеми и сладкий мир и мир в границах я.

Финософские умы издревле были одиноки—и тень Ницше Канта и Шопенгауэра решительно бы потеряла свое значение без одиночества.

Вяч. Иванов и Вл. Эрн в публичных лекциях не раз указывали, что Кант в своем феноменализме—евну, а его категорич. императив бездейственный, старо-девственный.

Феноменализм — гносеологическое, мировое одиночество.

Но все же тайное умиление не покидало Кенигсбергского китайца, как страус зарывшегося в небесных песках.

А кто знает какие неизяснимые радости переживал

Шопенгауэр любясь созданной им картиной великой гибели мира, тот поймет многое!

И череп Канта суровые брови Шопенгауэра и холодные вершины Ницше странно сливаются в одно дополняют друг друга и образуют легкий хоровод пляшущих туманных божеств у которых легкомысленны только ноги!...

И никакие веселые девушки лежавшие по бокам и согревавшие старость Шопенгауэра не могли соперничать с ними!..

Биография луны.

Луна древняя очаровательница, светившая Парису при похищении Елены и делавшая томными наших бабушек с томиком Тургенева—ее не могли забыть новые воздыхатели!

1000 веков поэзии смотрит на нас с луны!

Вот извечный предмет для мечтателей, тоскующих одиночек, безнадежно влюбленных, вот их голубая голая роза!

Старая лгунья обмани их!

И она посмеялась над ними как никогда!

Ибо не было еще таких томных и млеющих людей.

Ибо появились декаденты с водными ногами, люди—мировые проросли со дна морей и Петроградских болот, холодные инкубы и русалки, одинокие девственницы и вечные мерзвецы с неподвижным, лежащим смеющимся взглядом на холодном лице

И начали скопом вздыхать на луну—да, конечно, но до боли в горле, до хрипоты, насморка и слез, до потери сознания...

Братья! сестры!

войте, лайте на луну!..

(Ф. Сологуб).

Или в другом месте:

...Ты не поймешь, что живу не напрасно,
Что мой **подвиг собачий** чего-нибудь стоит
Ведь в полночь никто так **печально и страстно**
Как я, на луну не завоюет...

Март 1914 года. (Ф. Сологуб).

Недаром в некоторых губерниях **сологубить** и значит заниматься самооблудством!

Любовь и томление до боли, до мучительного завывания псов, до садизма—чтоб не вздыхали больше! Схватит башмак или шапку (Гамсун, Кузмин) жует, целует ее и воет. И тогда случилось нечто необычайное и невиданное—чистый молочный лик Дианы, такой круглый и сияющий, добрый и понятный — сморщился, скис и почернел!

спеленат лежу покорный
лежу я очень давно,
а месяц черный причерный
глядит на меня в окно.

(З. Гиппиус).

Конечно от болезни почернела и скорячилась!

молода и прекрасна
безнадежно больна
смотрит на землю ясно
и бесстрастно луна.

(Ф. Сологуб).

Дни ее сочтены и вот свершилось

вышла книга будетлян: «дохлая луна»,
где поется о жалкой безкровной вше ползущей по истасканной подкладке небес—
но и это в последний раз!

Луна подохла—

и отныне забракована и выброшена из обихода поэзии
как ненужная вещь, как стертая зубная щетка!,
Ле-люнь, слюнь, плюнь

Тель (але стиль) литераторов.

Сонный свист!

однообразный, тонкий засасывающий, царство об'ятое конвульсиями сна — спят сморщенные лбы щеки и волосы спят полинявшие деревья, птица вздрагивая одной ногой повисла в воздухе...

в пустыне улиц подымается дымок ветра и пронизывает свистом уши с одного конца земли до другого... металлические вещи покрылись ржавчиной,

швист швист — кричат двери, но их никто не слышит

люди разучились говорить и только по вечерам со сна свистят и **енятся** и някают—

в тоске безумных сожалений

к ея ногам упал Евгений

она вздохнула и молчит

и на **Онегина** гладит

без удивления без гнева...

его больной угасший взор

молящий вид **немой** укор—

ей **внятно** все.

вот только и слышно гнусавое **ени—ани** да пронизывающее уши: с—с—с...

Онегин добрый мой приятель

родился на берегах Невы

где может быть родились вы

или **блистали** мой читатель...

С своей супругою дородной

приехал толстый Пустяков...

Скотинины, чета седая,

с детьми всех возрастов, считая.,.

— с—с—с, ся, тся...

поэты бегут глагольных рифм потому что они очень доступны и потому что переполняют стих разными: ел... те... ся... тся... но Пушкин перенес это внутрь и простору для **ся тся** стало больше!

всего «Евгения Онегина» можно выразить в двух строчках:

ени — вони

си—е—тсЯ

Сонный свист торжествует!

Слякоть ползет!

но бедный читатель уже в школе так напуган Пушкиным что и пикнуть не смеет и до наших дней «тайна Пушкина» оставалась под горчишником!

вот еще пример:

От Триумфальных ворот прачешная
счет г-ну Крысюну:

2 нижний юбки . . .	60	к.
2 крыхма рубахи . . .	20	«
5 воротничков . . .	30	«
2 пары манжет . . .	20	«
3 навльчки	9	«
1 куфайка	5	«

если сравнить эти строки с 8-ю строчками из «Онегина» — в тоске безумных сожалений и т. д.

го окажется: стиль их выше Пушкинского! в самом деле: на восьми строчках счета мы видим такие редкие и звучные буквы русичей: ы, щ, кры, ф, ю, ж... (и так редки оне в романе) вообще тут больше звуков чем у Пушкина и нет ния—ния, ся—ся, те—те и пр.

Тут видим и цифры—что дает зрительное разнообразие.

И если стиль писателя определяется количеством слов то должен мериться и количеством букв—буква то же слово (звук форма и образ). Жидок Пушкин—но таков Лермонтов и все реалисты и символисты:

и звуков небес заменить не могли
ей скучные песни земли...

или:

...бестелесен и тих поцелуй (Ф. Сологуб)—та же око-
лесица и слякотца.

вечная женственность ныне
в теле нетленном на землю идет...
(В. Соловьев).

Тошно жить тошно дышать среди этого сопения и
сипения.

а они еще поддают: завели аллитерацию чтоб в
каждом слове вы уже обязательно встречали какую-нибудь
милую парочку

пе—пе—пе
пи—пи—пи
се—се—се
ня—ня—ня

и т. д.

а если даже и звучная буква то будучи повторена
20 раз подряд она становится надоедливой и глухой
символисты знали аллитерацию но неведома им **алфа-
витація.**

В их поэзии (да и в мировой) преимущественно
сопный ритм салонного танца (раз два три) ритм любви
или крепко спящего человека...

любите любите любите любите
безумно любите любите любовь

Может ли быть чтонибудь мертвее и однообразнее?

тише тише засынаю
не буди меня—

говоря словами самого Бальмонта, или
храпите, храпите, храпите...

Даже у итальянцев: фара фара фа.
рата рата та

Не было ни одного стиха подобного лихой руске
подобного будетлянскому:

дыр бул щыл
убещур
скум
вы со бу
р л эз

(«Помада»).

Или еще чистый спондей:

зю| цю| э| спрум!

(«Возрощем»).

Потому мы и говорим что мы единственные в мире
живые люди.

У нас поэзия—внезапница, у них выдохшаяся—
запница!

Но... разве мертвецки спящие слышат?...

Разсматривать ли наших поэтов со стороны их идей
или с чисто словесной—приходим к одному выводу!

Уже указано почему луна умерла, но была и чисто
техническая причина: раньше был месяц—золотое сом-
бреро и луна серебрянная раковина или чудная пре-
лестная, гордое чело богини и т. д.

Потом стала медной, а ночь железной.

Но наконец стало дурным тоном говорить о ней в
таком тоне и вот читаем: месяц корявый черный (т. е.
деревянный), луна как мочево́й пузырь (Лафорт) на-
онец больная и дохлая.

Если эпитеты первого рода уже умерли то второго
сразу стремятся туда же!

Нехорошо говорят о луне, но тоже о солнце о звездах

наконец о всей природе, а в том числе и человеке— все эпитеты умерли.

Когда заметили что они не тверды в ногах пробовали их ставить на голову или на ходули, чтоб не быть смешными сами делали смешное—но это явные признаки конца!

луна пришла на ходулях (Саконская)

Хлебников пишет про улицу:

и из чугунного окурка

твой Чайковский и мазурка—

(«Изборник»).

Но что означают эти окурки: патроны пули шрапнель и как их представлять—трудно догадаться.

И у других:

ваштопайте мне душу...

женщины вы смотрите устрицами из раковин вещей...

спокойный душу на блюде несу

(Маяковский).

Говорят что поэт Батюшков сойдя с ума произносил такие фразы.

Эпитеты трещат и кувыркаются везде.

(Так писал я в 1915 г. (первое изд. «Тайных пороков академиков») о метафоризме вообще и о Маяковском в частности, а вот в 1922 г. он сам признается:

Где еще

—разве что в Туле?—

позволительно становиться на поэтические ходули?!)

Прежде в Серпуховском уезде пели:
глаза вы карие большие
очаровали вы меня,

а теперь

глаза вы как автомобили
очаровали вы меня!..

Литература лубок и сумасшедший дом подают друг
другу руки!

Но подошли не одни эпитеты, а все слова и крайне
чуткий к ним Хлеыников уже вместо луна пишет леуна,
вместо ночь—ночерь, вместе авиатор—рша,—льтец
льтица и даже целые стихи:

о-день и дзень и динь!
нуочь и ночь и ничь
всеобщего единства!

(«Изборник»).

Но конечно неологизм на всегда понятен и напр.
Брюсов нашел что дебошь Хлебникова не хорош ибо
похож на французское слово, а оказывается что надо
читать его дебошь (от дебелий)

то же с рифмой: она теперь непонятна изломана и
нелепа:

или
через
резче
корова
театр
(ор-ар)

Поэзия вошла в тупик—и это не выдумка злых
будетлян!

Возьмем № журнала за 1915 г. изд Суворина и там
прочтем:

Хотят зарешитьтебя, Русская земля, хотят выкопать
глаза твои кроткие. Полая ты стоишь, запростали место
изменою...

Недолукий, шохом, скрывающийся от опасности, с сердцем, как черствая коковка, ноброжье безчастное, русский невер... чернядь безпрокая, колотырчики... и т. д.
(А. Ремизов).

О, отрочий, буявый зык!
— О, бледный птич!
О, падь оклич!—

Плачет дале девий кличь.

(М. Кузмин «Эхо» 1921 г.)

Наполовину непонятные современному читателю слова и, кстати, бездарный грабеж у Хлебникова!

Неологизмов, непонятных, темных неправильных и спорных выражений и слов полно у современной литературы—их много у Ф. Сологуба и Бальмонта, у З. Гишиус и С. Городецкого (см. мою «сдвигогологию русского стиха»)

у Брюсова и Северянина их накопилась тикая тьма что пришлось выписывать в об'емистый том (А. Шемшурин «Футуризм в стихах Брюсова»).

Мы имеем таким образом не личную злую выдумку, не случай и не сумасшествие,—нет это просто **современный уклон**.

Человек уже видит что бывшие до него слова умерли и пытается подновить вывернуть на изнанку, положить заплатку—чтобы выгядеть богато и нарядно...

Нет, будем откровенны и лучше останемся в одном нижнем чем бродить по Невскому в заплатанном Тришковой кафтане!.,

Поэзия зашла в тупик и единственный для нея почетный выход

не употреблять выживших образов эпитетов и слов—перейти к заумному языку:

сарча кроча буга
навихроль
опохромел...

(Садок Судей II).

Хо-бо-ро

мо-чо-ро

Совершенно не похоже на умершую литературу!

Ничто тут не стесняет человека и никаких сделок с художественной совестью ненужно!

Не желая творить на допотопном языке тем паче не желаем быть «ни в тих ни в сих» и поем как можем только мы

смелые и задорные:

Плясовая:

кваб

тарад

тара—пин

пур

пирк!

квара

куаба

ував

вабакр!

трбрк...

брктр

кр...

.

Уйдем ли мечтать в пустыню узнав какова она и что там делают уединенные?!

Но не пойдем и в другую Америку—болтовню о крайней современности как патентованном средстве от всех бед и недугов—эта тема не выше всякой иной!

будем верны слову как таковому

и в нашем искусстве исходить

из него, изнутри его задач—

будем не смехотворцами

а речетворцами!..

А. Крученых.

1914—1922 г.

Из книги „Слово, как таковое“

О художественных произведениях.

I) чтоб писалось и смотрелось во мгновение ока!

(пение, плеск, пляска, разметывание неуклюжих построек, забвение, разучивание. В. Хлебников, А. Крученых, Е. Гуро; в живописи В. Бурлюк и О. Розанова)

II) чтобы писалось туго и читалось туго, неудобнее смазных сапог или грузовика в гостинной (множество узлов связок и петель и заплат—занозистая поверхность, сильно шероховата).

В поэзии Д. Бурлюк, В. Маяковский, заумные стихи Крученых, И. Зданевича, Терентьева.

Что ценнее—ветер или камень?

Оба безценны!

Примеры: 1-ый род—из В. Хлебникова

(княжна и оборотень летят над землей)

И, чтобы спастись от стужи

морозной выси,

из рыси

он стал медведем.

Она ему: «куда мы едем?»

он отвернулся и в ветер бурк:

мы едем в Петербург...

к холоду нежна

скукожилась княжна...

и вот летят к земле турманом

Туда где золотом Исакий манит

И прямо сверху от солнечного лучьбища

Они летят в дом женского всеучьбища...

(Шуточная поэма в «Дохлой луне»)

Или из Е. Гуро

Финляндия.

...Лулла, лолла, лалла—лу,
Лиза, лолла, лулла—ли,
Хвои шуют, шуют,
ти—и—и, ти—и—у—у...

(именно шуют! лиственные деревья шумят, а хвойные шумят)

или

Взорваль
огня
печаль
коня
рубля

ив

в волосах

див.

(А. Крученых «Взорваль»)

в то время как в произведениях этого первого рода сравнения чаще всего ограничиваются одним словом, во 2-м роде они тянутся на несколько строк и состоят главным образом из существительных чем окончательно способны «занозить» язык, напр: ...лохмотьями губ моих в пятнах чужих позолот дымом волос над пожарами глаз из олова...

В. Маяковский.

«Небо —труп»! не больше!

Звезды —черви —пьяные туманом

Усморяю боль ше—лестом обманом

Небо—смрадные труп!

.
Звезды—черви—(гнилая живая) сыпь!

(Д. Бурлюк)

Заумь:

хо—бо—ро

мо—чо—ро

во—ро—мо

жлыч

(Крученных)

Мы дали предельно—резкую словесную гамму. Раньше было так:

По небу полночи ангел летел

И тихую песню он пел...

Здесь окраску дает бескровное пе... пе... Как картины писанные киселем и молоком нас неуютворяют и стихи построенные

на па—па—па

пи—пи—пи

ти—ти—ти

и т. п.

Здоровый человек такой пищей лишь разстроит желудок,

А вот образец иного звуко и слово сочетания:

дыр бул щыл

убещур

скуп

вы со бу

р л эз

(кстати в этом пятистишии больше русского национального чем во всей поэзии Пушкина)

не безголосая томная сливочная тянучка поэзии (пасьянс... пасгила...), а грозная баячь, будалый будала:

Каждый молод молод молод

В животе чертовский голод

Так идите же за мной

За моей спиной

Я бросаю гордый клич

Этот краткий спич!

Будем кушать камни травы
Сладость горечь и отравы
Будем лопать пустогу
Глубину и высоту
Птиц, зверей, чудовищ, рыб,
Ветер, глины, соль и зыбы!

(Д. Бурлюк)

Драгоценнейшие кражи
совершай со взломом
в грядущее лезы!... (В. Каменский)

—«Красота со взломом!..»

до нас пред'являлись следующие требования языку:
ясный, чистый, честный, звучный приятный (нежный)
для слуха, выразительный (выпуклый, колоритный,
сочный)

впадая в вечно игривый тон наших критиков можно
их мнения о языке продолжать и мы заметим, что их
требования (о ужас!) больше приложимы к женщине,
как таковой, чем к языку, как таковому. в самом деле:
ясная, чистая (о конечно) честная, (гм! гм!) звучная,
приятная, нежная: (совершенно правильно) наконец—
сочная, колоритная, вы... (кто там? входите!) правда в
последнее время женщину старались превратить в вечно—
женственное, прекрасную даму, и таким образом «юбка»
делалась мистической (это не должно смущать непосвя-
щенных,—тем более!..)

Мы же думаем, что язык должен быть прежде всего
языком и если уж напоминать что—нибудь, то скорее
всего пилу или отравленную стрелу дикаря.

из вышеизложенного видно, что до нас речетворцы слишком много разбирались в человеческой «душе» (загадки духа, страстей и чувств), но плохо знали, что душу создают баячи, а так как мы, баячи бюджетяне, больше думали о слове, чем об затисканной предшественниками «ПСИХЕЕ», то она умерла в одиночестве и теперь в нашей власти создать любую, новую Психейку—захотим ли?

..! Нет!..

пусть уж лучше поживут словом как таковым и не собой. так разрешаются (без цинизма) многие роковые вопросы отцов...

Декларация слова, как такового.

4) мысль и речь не успевают за переживанием вдохновенного, поэтому художник волен выражаться не только общим языком (понятия), но и личным (творец индивидуален), и языком, не имеющим определенного значения, (не застывшим), **заумным** Общий язык связывает, свободный позволяет выразиться полнее (Пример: го оснег кайд, и т. д.)

5) Слова умирают, мир вечно юн. Художник увидел мир по новому и, как Адам, дает всему свои имена. Лилия прекрасна, но безобразно слово лилия захватанное и «изнасилованное». Поэтому я называю лилию еуы—первоначальная чистота восстановлена.

2) согласныя дают быт, национальность, тяжесть, гласныя—обратное—вселенский язык. Стихотворение из одних гласных:

	о	е	а	
и	е	е	и	
а	е	е	е	

3) стих дает (бессознательно и сознательно) ряды гласных и согласных. Эти ряды неприкосновенны. Лучше заменять слово другим, близким не по мысли, а по звуку (лыки-мыки-кыка)

Одинаковыя гласныя и согласныя, будучи заменены чертами, образуют рисунки, которые неприкосновенны (напр. Ш—І—І—Ш)

Поэтому переводить с одного языка на др. нельзя, можно лишь написать стихотворение латинскими буквами и дать подстрочник. Бывшие д. с. п. переводы—только подстрочники; как художественные произведения, они—грубейший вандализм.

1) Новая словесная форма создает новое содержание, а не наоборот.

6) Давая новые слова, я приношу новое содержание, где все стало скользить (сдвиг)

7) В искусстве могут быть неразрешенные диссонансы—«неприятное для слуха»—ибо нашей душе есть диссонанс, которым и разрешается первый. Пример дыр бул щыл и. д.

8) Всем этим искусство не суживается, а приобретает новые поля.

Алексей (Александр) Крученых
1913—1922 г.

Декларация заумного слова.

1) Мысль и речь не успевают за переживанием вдохновенного, поэтому художник волен выразиться не только общим языком (понятия), но и личным (творец индивидуален), и языком, не имеющим определенного значения, (не застывшим) заумным. Общий язык связывает, свободный позволяет выразиться полнее (пример: го оснег кайд и т. д.).

2) Заумь—первоначальная (исторически и индивидуально) форма поэзии. Сперва—ритмически-музыкальное волнение, пра—звук (поэту надо бы записывать его, потому что при дальнейшей работе может позабыться).

3) Заумная речь рождает заумный пра—образ (и обратно)—неопределимый точно, например: безформенные бука, Горго, Мормо; Туманная красавица Илайяли; Авоська да Небоська и т. д.

4) К заумному языку прибегают: а) когда художник дает образы еще не вполне определившиеся (в нем или во вне), в) когда не хотят назвать предмет, а только намекнуть—заумная характеристика: он какой то эдакий, у него четырехугольная душа,—здесь обычное слово в заумном значении. Сюда же относятся выдуманные имена и фамилии героев, название народов, местностей, городов и проч., напр.: Ойле, Блеяна, Вудрас и Барыба, Свидригайлов, Карамазов, Чичиков и др. (но не аллегорические, как-то: Правдин, Глупышкин,—здесь ясна и определена их значимость).

с) Когда теряют рассудок (ненависть, ревность, буйство..).

д) Когда не нуждаются в нем—религиозный экстаз, любовь. (Глосса восклицания, междометия, мурлыканья, припевы, детский лепет, ласкательные имена, прозвища,—подобная заумь имеется в изобилии у писателей всех направлений).

5) Заумь пробуждает и дает свободу творческой фантазии, не оскорбляя, ее ничем конкретным. От смысла слово сокращается, корчится, каменеет, заумь же— дикая, пламенная, взрывная (дикий рай, огненные языки, пылающий уголь).

6) Таким образом надо различать три основные формы словотворчества:

I. Заумное—а) песенная, заговорная и наговорная магия.

в) «Обличение (название и изображение) вещей невидимых» — мистика.

с) Музыкально-фонетическое словотворчество — инструментовка. фактура.

II. Разумное (противоположность его безумное, клиническое, имеющее свои законы, определяемые наукой, а что сверх научного познания— входит в область эстетики наобумного).

III. Наобумное (аллогичное, случайное, творческий прорыв, механическое соединение слов: оговорки, опечатки, ляпсусы; сюда же, отчасти, относятся звуковые и смысловые сдвиги, национальный акцент, заикание, сюсюканье и пр.).

7) Заумь—самое краткое искусство, как по длительности пути от восприятия к воспроизведению, так и по всей форме, например: Кубоа, [Гамсун], Хо-бо-ро и др.

8) Заумь—самое всеобщее искусство, хотя происхождение и первоначальный характер его могут быть национальными, например: Ура, Эван—эвое! и др.

Заумные творения могут дать всемирный поэтический язык, рожденный органически, а не искусственно, как эксперанто.

А. Крученых.

1921 года.

Оглавление.

	<i>Стр.</i>
Чорт и речетворцы. ,	3
Тайные пороки академиков . . . , . . . , . . .	19
Слово, как таковое ,	39
Декларации	43

ИЗВЕ **М а ф** щает

Напечатаны:

Маяковский—Люблю
Ассев—Стальной соловей
Маяковский издевается
А. Крученых—Фактура слова
А. Крученых—Сдвигология
А. Крученых—Апокалипсис.

Печатаются:

Хлебников—Ладомир
Маяковский—Плакат
Кушнер—Комфут
Брик—Производственное
ИСКУСТВО
Арватов—Маркс и искусство
Крученых—Революция и язык

Будут печататься:

Каменский
Пастернак

**Скоро! МАФ расширяет
производство**

Москва—Рига—Берлин.
